

≃ АРИНА ≃
ТАРЕЛКИНА

Убийство несолено хлебавши

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *Е. Елькиной*

Редактор серии *А. Антонова*

Тарелкина, Арина.

Т19 Убийство несолоно хлебавши : [роман] / Арина Тарелкина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-116644-1

Арина Тарелкина, женщина, у которой на первом месте всегда стояла карьера, неожиданно для себя оказалась окружена детьми — лучшая подруга целиком поглощена материнством, а у самой Арины появился соведущий, десятилетний Андрей. Жизнь и съемки кулинарного Youtube-шоу идут своим чередом под жужжание миксера и стук острых японских ножей, пока в один прекрасный день не исчезает бесследно непутевая мама Андрея и Тарелкиной не приходится попробовать себя в новой роли...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тарелкина А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-116644-1

Глава первая

Начало

Магия утра для меня — это не разливающийся по дому кофейный аромат и даже не первые лучи восходящего солнца (попробовали бы они пробиться через плотные рольставни) и уж тем более не звонок будильника (мои внутренние часы куда точнее). С недавних пор магия утра — это Нюткин плач. Даже не плач — рыдания. Безутешные страдания бесконечно несчастного человека. Осознавшего, что жизнь — боль, и это надолго. Так рыдают только профессиональные плакальщицы по покойникам и трехмесячные младенцы при разлуке с матерью. Всякий раз, когда Алена покидала дочь хотя бы на секунду, та громко заявляла миру решительный протест. Врач пуповину перерезал, а боженька забыл, и теперь стоило родительнице удалиться от младенца больше, чем на расстояние вытянутой руки, невидимая нить натягивалась и рана кровоточила. Куда пришлось удалиться Алене в этот

раз, бог ведает, но ребенку это очень не понравилось.

Я потянулась рукой к тумбочке, нащупала смартфон, проверила время.

— Действительно, — усмехнулась я, — время пять, а ты в кровати. Непорядок.

Пожалуй, нужно сказать Нютке спасибо — мне действительно пора подниматься. Если поддастся искушению и проваляться в постели часов до семи, на продуктивный рабочий день можно не рассчитывать.

Хлопнув в ладоши, я включила ночник. Опустив руку на пол, нащупала уютные домашние сапожки. Медленно, оттягивая неизбежный момент, натянула их на ноги. Кое-как заняла вертикальное положение, накинула халат и, отчаянно зевая, поплелась в ванную, где выпила приготовленный с вечера стакан воды. С чайной ложкой соли и долькой лимона. Редкостная гадость, но бодрит почище кофе. Вычитала где-то, что такой состав натошак восстанавливает солевой баланс, нарушенный часами обезвоженного сна. Допускаю, что очередная интернетная муть, но чем черт не шутит. Утренние ритуалы — важная вещь. Мои включают непременно зарядку, медитацию и письменное планирование дня в тишине и покое. По крайней мере, до недавнего времени именно так и было,

но с появлением Анны Станиславовны Беровой все изменилось.

Улыбнувшись растрепанному отражению в зеркале, я зачерпнула лопаточкой крем из золоченой банки, нанесла его на лоб, нос, щеки и подбородок и принялась аккуратно распределять на лице по массажным линиям. Однако движения мои не были осознанными — мысли блуждали в стране воспоминаний.

Я влюбилась в Аньку с первого взгляда. До боли, до всхлипа, до спертого в зобу дыхания. «Так вот ты какая — безусловная любовь», — пронеслось в голове, стоило мне взять на руки туго спеленатый во фланелевую пеленку сверток. Видит бог, тогда казалось, что мне в жизни не доводилось видеть ничего более прекрасного. Меня не смущало ни отсутствие ресниц и бровей, ни сморщенная, покрытая белым налетом кожа. Нос на пол-лица, нависающие, как у питекантропа, надбровные дуги, глазки-щелочки — объективности ради надо заметить, что красивой Анну Станиславовну назвать можно с натяжкой. Однако к черту объективность — сердцу не прикажешь, а для моего сердца нет ребенка милее и краше. Я полюбила ее всю! Ее лысую головку, худенькие ручки, кривые ножки, огромный (по меркам моделей) живот, каждую складочку и ямочку на краснокожем теле.

— Кто это у нас тут такой? — в тот момент я даже не сразу узнала свой голос. Господи, неужели это я, едкая и циничная Арина Тарелкина, сюсюкаю и шепелявлю, как какая-то «инста-няшка», изображающая радость от встречи с зачатой подругой? Б-р-р, я даже поежилась, и мысленно дала себе слово разговаривать с вновь прибывшим на Землю человеком спокойно и взвешенно, как и положено солидной женщине тридцати трех лет от роду. Но, будучи хозяйкой своему слову, тут же его и забрала обратно. Думаю, это что-то генетическое. Опция, встроенная в женщин от рождения, рефлекс, запускающийся при виде крошечных пальчиков, которые едва-едва длиннее ногтя. А то и короче, учитывая нынешнюю моду на украшенные стразами «когти Бабы-яги».

А запах! Никакие духи не сравнятся с этим чистым, свежим (что бы кто ни говорил) ароматом младенца. Чистым ароматом любви и нежности. А не кислого молока, как полагают некоторые. Это нужно быть бесчувственным истуканом вроде Коломойского, чтобы такое выдать. А ведь сам отец двоих детей. Или именно поэтому? В конце концов, мужчины воспринимают все иначе. Даже Стас, далеко не чужой Нютке человек, и тот поначалу отнесся к ней, как мне показалось, с прохладцей. Во всяком случае, не обеспечил ей тот горячий прием, кото-

рый она, безусловно, заслуживала. Хотя, может, мы просто не предоставили ему такой возможности? Оттеснили мужика в сторону, захлопотали, заквохтали, закудахтали над младенцем, доверяя отцу только колясочные прогулки и любование на расстоянии. Хорошо еще, что безумие длилось недолго. Вскоре я, например, поняла, что шесть рук лучше четырех и что радостью мытья попы и смены подгузников можно и нужно делиться. Поэтому теперь, услышав тревожный Анин плач, я уже не бегу, как прежде, сломя голову, а зарываюсь под подушку, накрываюсь для верности одеялом и успокаиваю совесть аффирмацией о наличии у ребенка родителей. В конце концов, я кто? Фея-крестная! И, значит, какая моя задача? Нарядить нашу Золушку на бал, когда придет время, а также обеспечить ее надлежащим транспортом. А, ну и принца потом проверить, конечно. А то знаем мы этих современных женихов — видели в поликлинике. Сидят в колясках, пузыри пускают — сплошь маменькины сынки, неспособные сложить правильно пирамидку с первого раза.

Но до первого бала, слава богу, далеко, так что пока можно расслабиться и отводить душу в магазине игрушек, скупая кукол, клоунов, собак, радуя не столько ребенка, сколько себя, компенсируя тяжелое детство с деревянными игрушками, приколочеными к полу.

Конечно, мы со Стасом, мучимые чувством долга и угрызениями совести, старались как могли. Но все равно основная нагрузка заботы о ребенке легла на хрупкие материнские плечи. И без того худенькая, за эти три месяца Алена превратилась в бесплотную тень, уменьшившись едва ли не вполовину. Стойко-серый землистый цвет лица, темные круги под глазами, синие вены, просвечивающие через кожу. Вечный пучок на голове, вытянутые на коленях спортивные брюки, накидка-балахон для удобства кормления.

Конечно, я предлагала ей нанять няню. И даже приглашала несколько «мэри поппинс» на собеседование. Но ни одна не удовлетворила требованиям королевы-матери, которая, подзреваю, просто не желала делить ни с кем ребенка. Она и нам-то выдавала его нехотя и едва ли не под расписку.

— Это пройдет, — утешала я Стаса, подливая вина в пузатый бокал.

— Точно?

— Наверное, — тянула я неуверенно. — Мне-то откуда знать? Видит бог, я этого младенца больше жизни люблю, но все равно не понимаю, к чему так убиваться? Ведь что может случиться, если вы выберетесь в кино или на концерт?

— Какой там, — устало махал руками парень. — Мне кажется, она даже десятиминутную разлуку предательством считает.

— А как у вас с сексом?

Полный укоризненной тоски взгляд.

— Ясно, — вздыхала я и советовала держаться. В конце концов, что еще остается?..

...Тряхнув головой, я отогнала непрошенные мысли — приходят в голову когда хотят, носятся по кругу, мусолят одно и то же. Усевшись в позу лотоса, я прикрыла глаза и сосредоточилась на дыхании. Медитация — практика очищения сознания, которая позволяет мне сохранить рассудок в этом полном безумия мире.

Глава вторая

Мы готовим мраморные печенья

Студия встретила нас непривычной тишиной. Нахмурившись, я демонстративно посмотрела сначала на часы, потом на Ганина.

— Арина Сергеевна, чего вы хотите? — возмутился тот. — Сейчас только десять утра.

— И что? — Брови у меня сошлись на переносице. — Сейчас не «только десять», а «уже десять»! Чувствуешь разницу? Знаешь, какое количество дел уже вычеркнуто в моем планере?

— Так то вы, — в голосе помощника читалось восхищение.

— Ты мне этот подхалимаж брось, я себе цену и так знаю. Я не пойму, кто-то решил, что «Акела промахнулся»? Сдаю позиции? Так я даже строгую начальницу изображать не стану, уволю всех к чертовой матери, и дело с концом. У меня почта от писем соискателей ломится, замену быстро найду.

— Сюрприз! — нестройный и не сильно радостный хор голосов прервал гневную отповедь, и из-под кухонного островка показались кислые лица сотрудников.

Вот не зря я ненавижу сюрпризы. Черт их дернул про мой день рождения вспомнить. Особенно когда я сама предпочитаю о нем забыть.

— Эммм, спасибо большое, — промямлила я, едва ли не впервые в жизни не зная, что сказать. Что делать? Обратиться все в шутку? Дескать, ага, попались. Такой хрен не слаще той редьки. Еще и начальственную корону уроню. Нет уж, главное — сохранять достоинство в любой ситуации. Попала впросак — бывает. Упала, поднялась, отряхнулась, пошла дальше.

— Твоя идея? — растянув губы в благодарной улыбке, прошипела я в сторону Ганина с видом королевы-матери, с любовью взирающей на подданных, принимая их вялые поздравления. — Спасибо большое, тронута. Рада, что не забыли! — Я пожимала ладошки, едва сдерживая клокотавшую внутри ярость. Ох, уединимся мы с помощником — отведу душу. Благо, коллектив у нас небольшой, поэтому церемония поздравления завершилась, едва успев начаться.

— Ну что? — нарочито бодрым тоном я обратилась к команде. — Приступаем?

— Так ведь Андрея нет, — подал голос Стас. У, предатель — с тобой я дома поговорю. Знал ведь, змея, и промолчал.

Видимо, зять прочел в моем взгляде угрозу, а может, просто хорошо меня знал, но в его глазах на минуту мелькнул испуг, быстро сменившийся, впрочем, озорными чертенытами. Ну ничего-ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Уж я найду способ отыграться. Мечь — блюдо, которое едят холодным.

— Андрея, говорите, нет. — Я почувствовала, что снова закипаю. И это я еще по утрам медитирую. Страшно представить, что бы было без этой практики. Ну а с другой стороны, как не злиться, когда мой день расписан по минутам, а соведущий изволит опаздывать?

— Простите-простите-простите, — в студию, окутанная ароматом дорогих духов, влетела Ольга. Грациозно уронила легкий кардиган на руку вовремя подоспевшего Павла и упала на диван, вытянув вперед бесконечно длинные ноги. Паша каменным истуканом застыл подле.

С тех пор как мы запустили новый проект, наш водитель стал его преданным фанатом. До этого его калачами на съемки не заманишь: «Что я там не видел, лучше в машине подремлю», а тут поди ты — толчется вокруг, как пестик в ступке.

— Еще раз прошу прощения, — голосом, в котором не было и намека на раскаяние, промурлыкала Ольга. — Но что поделать? Вы же понимаете, ребенок есть ребенок.

Быстрый, полный недовольства взгляд Андрея открыл мне и без того известную истину — он тут совершенно ни при чем. Просто некоторые не умеют пользоваться часами и совестью. Уволить бы ее к чертовой матери, но как, если я ее и не нанимала?

— Ах да. У тебя же день рождения! — Ольга проявила чудеса осведомленности. В ее случае подобное действительно являлось чудом — чтобы эта женщина держала в голове информацию, не имеющую к ней непосредственного отношения... По сравнению с этим сходение благодатного огня — детский фокус. — Поздравляю! — Ольшанская растянула губы в ослепительной улыбке и неторопливо (действительно, куда ей спешить?) поднялась, предоставляя присутствующим возможность лишний раз полюбоваться ее прекрасной фигурой, затем порылась в сумочке и извлекла из нее небольшую подарочную коробку, украшенную белым бантом.

— Это тебе! — Не успела я опомниться, как огромная грудь уперлась мне куда-то в область подбородка — Ольга сграбастала мое тщедуш-